

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Атрибуция австралийских вещей из коллекции № 736 показательна в плане подтверждения тезиса о том, что смешение предметов из различных поступлений предполагает использование метода, в рамках которого различные вещи в процессе выяснения их провенанса могут свидетельствовать «за» и «против» друг друга, тем самым определяя степень своей причастности/непричастности к тому или иному поступлению. Часто то, что невозможно выявить путем непосредственных сопоставлений с тем или иным старинным списком, как бы само собой проявляется в процессе установления комбинаторики вещей. Определение провенанса одних вещей, пусть даже неполное, становится (от противного) документальным основанием для идентификации других вещей. Так происходит при «столкновении» комплексов предметов с Новых Гебрид и из Австралии.

В конечном счете возникают объективные предпосылки документального обоснования при проведении границ между поступлениями, скажем, из экспедиций В. М. Головнина, М. Н. Васильева и Ф. Ф. Беллинсгаузена. Разумеется, при таком подходе следует стремиться к абсолютной точности в воспроизведении и интерпретации различных документов. В таком случае при обработке данных становится возможным понижение размерности до двух признаков. Например, наличие этикеток МГАД или комплектность определенных множеств вещей вместе с установлением их фиджийского / новозеландского / австралийского / таитянского происхождения практически безошибочно указывает на их принадлежность к сборам экспедиции Беллинсгаузена¹ (см. приложение 10).

В некоторых случаях атрибуция какой-либо одной вещи открывает путь к идентификации целого ряда вещей. В то же время,

---

¹ В рамках книги мы ограничиваем свое внимание только теми предметами, которые вошли в коллекцию № 736, не учитывая вещи, попавшие в другие коллекции МАЭ случайным образом или поступившие в МАЭ в 1930-х годах из других учреждений, являющихся преемниками тех собраний, которые были составлены при расформировании МГАД в 1827–1828 гг.

когда ряд поступлений принимается за одно целое по отношению к группе других поступлений, появляются предпосылки для идентификации отдельных вещей, погруженных в какую-нибудь аморфную массу «орудий». Пользуясь наблюдениями над структурой Ведомости Бестужева, становится возможным, конечно, вместе с привлечением множества других ресурсов, раскрыть состав целых коллекций или их частей, сопоставив каждый отдельный предмет из той же коллекции № 736 с особой строкой. Для этого, например, достаточно «вычесть» из Ведомости Бестужева списки Головнина 1816 и 1819 гг., которые благодаря развернутости характеристик отдельных предметов достаточно легко выделяются на общем фоне. Эта в сущности арифметическая операция становится предпосылкой для следующего этапа исследования, основанного на использовании метода сочетаний (комбинаторики) признаков, позволяющего разобрать на составные части коллекции из первого русского кругосветного путешествия, хранившиеся в Музее Государственного Адмиралтейского департамента до передачи их в Академию наук в 1828 г.

Можно сказать, что, добавив к Описи Петри находки отечественных и зарубежных исследователей последних лет (см. табл. XXXIII), мы практически полностью восстановили этнографическую часть коллекции Кука—Бема (с учетом необходимости отсчитывать и защищать ее от необоснованных включений и исключений).

Таблица XXXIII

№ п/п	Опись Бема	№ предметов
1.	Камчадальское праздничное самое лучшее платье, парка называемое, которое носят мужчины и женщины.	
2.	Кожа Камчатского водяного зверя нерпа, снятая таким образом, что оную надувать можно.	
3.	Сеть рыболовная из лык, употребляемая у жителей Приятного острова, которой лежит под 22 градусом от севера к югу и не принадлежит никакому владению.	
4.	Деревянная подушка на 4 ^х ножках на подобие скамейки.	505-1
5.	Каменной топор с деревянным топорischem.	505-28
6.	Опахало из черных длинных перьев на подобие метлы.	505-2а
7.	Опахало круглое пестрое из мелких перьев красного и желтого цвета.	505-3

Продолжение таблицы XXXIII

№ п/п	Опись Бема	№ предметов
8.	Опахало перьяное плоское.	505-4
9.	К ним палочка с круглым деревянным набалдашником.	505-2б
10.	Деревянной кинжал сверху украшенной звериным хвостом.	505-6
	Убор владетеля приятного острова которого там называют Королем.	
11.	Шишак из черного мелкого перья, украшенной желтым.	505-7
12.	Перьяной ошейник.	505-8
13.	Перьяная ментея.	505-9
14.	Деревянная булава с резьбою.	736-256
15.	Перьяной нагрудник обложенной белым мехом на подобие бахрамы.	505-10
16.	Деревянной кинжал.	505-33
	Убор Солдатской тогож острова.	
17.	Шишак из мелкого желтого и красного перья.	505-11
18.	Ментея из мелкого желтого и красного перья.	505-12
19.	Ошейник из такого же перья.	505-13
20.	Кушак плетеный из коренья.	2328-263
21.	Нагрудник из синяго перья обложенный белым мехом на подобие бахромы.	505-14
22.	Мушельный нарукавник.	736-98
23.	Нарукавник из красных мелких перьев с выведенными фигурами желтого цвета.	505-15
24.	Нарукавник из звериных клыков.	505-16
25.	Деревянной кинжал с лопаткою, которая обложена острыми зубами.	505-5
26.	Четырнатцать кусков материи на подобие набойки и холста, из лык деланной.	737-10, 14, 15, 16, 17, 18, 19
27.	Деревянной валюк, которым делают таковыя материи.	505-29
28.	Ковер из травы плетеный.	505-30
29.	Намет двойной для палатки из темновишневой и желтой лычаной материи.	737-3
30.	Три зефира из красных и желтых перьев.	505-17, 18, 19
31.	Низка корольков.	505-34

Окончание таблицы XXXIII

№ п/п	Опись Бема	№ предметов
32.	Перломутовой женской передник, из мелких продолговатых плоских штучек.	505-20
33.	Два травяные и третий деревянной гребни.	505-21,22, 23
34.	Пять уд, из коих одна деревянная большая и 4 костяных поменьше.	505-24 3529-48 4087-14
35.	Деревянная черная лопатка.	736-253
36.	Инструмент на подобие гребешка, которым жители Приятного острова высекают на своих лицах разные для украшения узоры.	505-27
37.	Киса.	505-32
38.	Несколько ниток разного бисера.	736-259, 260, 282, 283, 284
39.	Круглый черный маленькой камень, на котором растирают краску.	736-223
40.	Два музыкальные инструмента из тростяных трубок.	765-51
41.	Травяная решеткою выплетенная женская епанечка.	505-31
42.	Веревка, сплетеная из жил.	
43.	Алеутская рубашка из пузырей.	
44.	Два ножа сделанные от господина Бема из Камчатского железа для пробы.	
	в малиньком ящике	
45.	Модель Алеутской байдары.	2868-214
	в длинном футляре	
46.	Королевское копье.	736-206
47.	Королевская охотничья стрела.	736-53

Окончательное доказательство истинности предлагаемой реконструкции может заключаться только в издании серии каталогов в качестве эмпирического обоснования данного теоретического объекта, который вне этой процедуры должен считаться неполным. Так или иначе с каждым предметом необходимо работать как с отдельной темой.

Безусловно, самой «трудной» окажется коллекция О. Коцебу, следы которой мы находим в географических названиях Ведомости

редкостям. Если его сопроводительный список так и не будет найден, воссоздание коллекции станет возможным только после атрибуции всех других поступлений того времени в собрания Академии наук и Музеума Адмиралтейского департамента. Можно сказать, что в этих условиях тот, кто выявит коллекцию Коцебу, «вскроет» все ранние океанийские коллекции МАЭ. Наконец, две отдельные темы, требующие специального внимания, — история этнографических коллекций Царскосельского арсенала и Музеума Академии художеств. Таким образом, завершая наше исследование, приходится больше говорить не о том, что сделано (это можно проследить по тексту настоящей книги), а о том, что еще предстоит сделать.

В каком-то смысле именно знание того, что еще остается неизвестным, для нас является главным результатом исследования. С этой точки зрения коллекции Головнина и Васильева выступают, если так можно выразиться, более легкой добычей на общем фоне коллекций МАЭ. В дальнейшем на этой основе можно будет переходить к коллекциям экспедиций Крузенштерна и Беллинсгаузена. Коллекции Кука—Бема и коллекция Скотта (или, может быть, Кука—Скотта), к которым нам с самого начала все время по ходу изложения приходилось обращаться под тем или иным углом, играют роль логической скрепы, фактически создаваемой нами «книги поступлений» ранних океанийских коллекций МАЭ. Незавершенность реконструкции, или научного аннотирования, коллекций, на которые предлагается опираться в будущих исследованиях, не столько мешает, сколько предотвращает возможные ошибки. Если представить реконструируемые поступления в виде множества пересекающихся кругов, секрет состоит в том, чтобы постоянно приводить их в движение, дожидаясь, пока они сами не распадутся на отдельные звенья.

В терминах теории графов все это может выглядеть как построение некоторого остовного дерева. Поскольку за вершины этого графа принимаются различные виды источников (списков, каталогов, этикеток) и соответствующие им множества вещей, при его достраивании возможны подразбиения ребер, обозначающих документальные, хронологические, тематические и другие связи между вершинами, следовательно, добавление новых вершин (списков и поступлений), но без возвращения к несвязному графу, с помощью которого можно было бы описать современное состояние дел. Нельзя забывать, что одна из трудностей состоит в том, что сами

исследования в данной области очень слабо связаны, учитывая низкий индекс взаимного цитирования. Иными словами, текст настоящей книги может быть использован в качестве некоего «основоположения», с которого могут начинаться и к которому могут возвращаться исследования по атрибуции отдельных вещей. Говоря еще проще, отдельные вещи или группы вещей следует поочередно «откусывать» от массива старинных коллекций МАЭ.

Необходимо подчеркнуть важность параллельной реконструкции всей системы учета и хранения Кунсткамеры и Музея Академии наук. Данная необходимость определяется тем, что старинные каталоги являются не только историческими источниками в узком смысле, отражающими историю науки в целом и современного Музея антропологии и этнографии в частности, но одновременно очень ценными этнографическими источниками, особым образом фиксирующими особенности традиционной культуры изучаемых народов. «Бездомные» этикетки, текстовые или номерные, постепенно обретают свое законное место в статьях и строках соответствующих каталогов, что, в свою очередь, делает возможным документальное сопоставление ранее безымянных этнографических предметов с конкретными поступлениями. Благодаря такой привязке в историческом пространстве предметы не только «вспоминают» имя своего собирателя, но в отдельных случаях занимают новую, ранее не предполагавшуюся позицию в системе классификации этнографических универсалий. Именно этот феномен нас интересовал в сюжете, посвященном гавайским перьевым накидкам.

С точки зрения процедуры задача научного аннотирования (научного описания) состоит во взаимной идентификации вещи и текста. В роли текста может выступать номер, поставленный на самой вещи, номерная или текстовая этикетка, список собирателя, статья в описи или карточном каталоге и, наконец, дневники собирателя, содержащие историю приобретения данной вещи или упоминание о бытовании подобных вещей в исследуемой культуре. Круг музейных документов, которые можно рассматривать в качестве первоисточников, зависит как от истории сложения и изучения конкретных коллекций, так и от того, что мы принимаем в качестве уровня этнографической современности. Даже привлечение выводов профессиональных этнографов в рамках применения метода этнографических аналогий превращает научные труды в музейные документы (источники).

Необходимость устанавливать связи между вещью и текстом возникает во всех без исключения ситуациях. Различие касается только степени простоты или сложности каждого конкретного случая. Доказывать связь текста с вещью методически необходимо даже тогда, когда текстовая или номерная этикетка наклеена на вещь. Из этого вытекает то, что между атрибуцией и семантическим анализом, понятиями функции и семантики вещи нет абсолютной границы. Атрибуция музейной вещи совпадает с определением ее функции, а семантика вещи зависит от ее функции. Одно без другого не существует. Достаточно вспомнить часто употребляемое в практике составления описей и каталогов выражение «вещь неизвестного назначения».

Однако полное представление о назначении вещи возможно составить только на основе полного описания культуры, в которой эта вещь когда-то функционировала. Верно, что вырванная из тела культуры вещь мало что говорит о себе самой. Но чем отличается описание вещи в культуре от ее описания в стенах музея уже после изъятия из живой культурной среды и что следует называть этнографическим источником: вещь как таковую или ее описание, то есть текст в качестве зафиксированного в письме акта речи или сообщения?

Таким образом, при выполнении, казалось бы, чисто музееведческой работы исследователь сталкивается с теоретической проблемой построения понятия этнографического источника, которая в свою очередь связана с целым кругом других фундаментальных проблем этнографической науки. В сущности, задача атрибуции (аннотирования) музейных предметов состоит в создании достоверных источников информации о тех или иных явлениях традиционной культуры. В этом плане музейная этнография ничем не отличается от полевой. В качестве предмета исследования письменно зафиксированный миф, то есть миф, вложенный в текст, по отношению к исследователю обладает теми же прагматическими свойствами, что и предмет материальной культуры, помещенный в музей.

Сказанное выше можно рассматривать как опыт выявления тенденций, которые объективно всегда присутствуют в этнографии, но не всегда эксплицируются. Как кажется, принципиальное различие между археологией и этнографией состоит в наличии/отсутствии названия вещи. Как в этнографии, так и в археологии основными являются понятия линии и круга («эволюционизма»

и «диффузионизма»). Но вне языка, то есть без соответствующих источников, все эти линии и круги действительно представляют груды мертвых вещей. Задача археолога — заставить заговорить сами вещи посредством анализа их взаиморасположения во времени и пространстве. Примерно такая же задача стоит и перед этнографами, работающими в области истории коллекций.